

УДК 811. 161. 1'367•626•1

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СЕМАНТИЗАЦИИ
И ХАРАКТЕРИЗАЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕННИЙ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ К. БАЛЬМОНТА И Я. КУПАЛЫ**

© 2011 г.

Е.В. Кисель

Белорусский госуниверситет, Минск, Беларусь

steeless@rambler.ru

Поступила в редакцию 15.02.2011

Рассматриваются особенности семантизации личных местоимений в поэтических текстах Я. Купалы и К. Бальмонта. Особое внимание обращается на конструкции, в которых личное местоимение выступает в качестве субъекта, а субстантив – в качестве предиката.

Ключевые слова: семантизация, характеристика, личные местоимения, лирический герой, идиостиль.

При рассмотрении языка поэтических произведений большое внимание уделяется лексическим, фонетическим и синтаксическим элементам. Однако «некоторые факты языка как бы априорно считаются малоинтересными или даже бесперспективными в художественном отношении и остаются поэтому за горизонтом внимания специалистов» [1, с. 4]. Чаще всего это касается морфологических элементов поэтического текста. В последние десятилетия, однако, отношение к морфологии как к эстетически второстепенному материалу существенно изменилось в первую очередь благодаря трудам Р. Якобсона, Ю.М. Лотмана и др. лингвистов и литературоведов. Постепенно начинает распространяться мнение о том, что «в поэтическом тексте все элементы взаимно соотношены и соотношены со своими нереализованными альтернативами, следовательно – семантически нагружены» [2, с. 81]. При этом, внимание продолжает уделяться лишь тем морфологическим элементам, которые наиболее важны с точки зрения исследователей: грамматическим категориям и формам имен существительных, прилагательных, глаголов в идиостильях того или иного автора – иными словами, в основном выявляются художественно-образительные возможности полнозначных элементов языковой системы. В то же время «изучение синтаксико-стилистических функций местоимения в аспекте «текстовой грамматики», притом с учетом специфики литературных жанров, еще только начинается» [3, с. 90]. Между тем, «ряд местоимений, в узуальной языковой системе не обладающий значительностью, системой

стиха выдвигается на первый план, добавочно семантизируется, укрупняется» [4, с. 10].

Функциональная семантизация личных местоимений (ЛМ) – один из способов подобного укрупнения данных языковых единиц в контексте художественного текста: «С помощью данного приема создаются свежие, нетрадиционные образы, метафоричность которых будит читательское воображение» [1, с. 21]. Функциональная семантизация – это процесс раскрытия значения ЛМ при отсутствии антецедента, когда на определенном отрезке речи или художественного текста происходит субъективная конкретизация референта, обычно при помощи субстантивива-предиката при местоимении-субъекте. Например: *Я – элли влюбленный; Ты солнечный богач;* (К. Бальмонт) *Фабрык мы грахатлівых сыны* (Я. Купала) и т.д. Функциональная семантизация очень часто совмещается с характеристикой, вследствие чего прямо называется «маска», которую надевает лирический герой произведения. Данная «маска» может быть образной, метафоризированной (*Я – вольный сон, я всюду и везде; Я был вам звенящей струной* (К. Бальмонт)) или приближаться непосредственно к личности самого автора: *Я не паэта* (Я. Купала). По замечанию И.А. Ионовой, «поскольку Я называет лирического субъекта, то такие конструкции являются средством его характеристики, вернее – самохарактеристики, самоопределения лирического Я» [1, с. 19]. При помощи семантизации также может эксплициро-

ваться и характеризоваться рассказчик того или иного произведения (*Я казак — не казак, // Што нагайкай свіціць // А казак, што калісь // Знаў, як волю любіць!* (Я. Купала)).

Функциональная характеристика может появляться в поэтическом тексте и в чистом виде, когда конструкции «субъект – предикат» возникают при наличии в тексте предваряющего местоимения антецедента. В таком случае функциональная характеристика может быть определена как процесс появления на уровне субстантива-предиката дополнительной (характеризующей) информации по отношению к имеющемуся антецеденту: *Я только любовница, бледная, жалкая...* («Греза»); *А яна – царыца* («Жняя»).

Таким образом, проанализировав все случаи семантизации/характеристики ЛМ в произведениях определенного автора, можно вывести совокупный облик лирического «я». Иными словами, при помощи данных процессов можно проследить все перевоплощения лирического героя, что позволяет сделать выводы о некоторых особенностях идиостиля того или иного автора.

В процессе анализа поэтических текстов К. Бальмонта мы обнаружили весьма разнообразные «маски»-экспликаторы, надеваемые лирическим героем поэта. Отдельные произведения Бальмонта буквально созданы из конструкций функциональной семантизации/характеристики личных местоимений, словно автор испытывает потребность как можно более четко определить образ, в котором воплощается лирический герой. При помощи конструкций функциональной семантизации ЛМ и последующей характеристики Бальмонт часто эксплицирует «я» лирического героя не только как личность, более того, не только как одушевленное существо, но и как предмет или абстрактное явление: *Я неясный иней охлаждения; Я камень скал, с их вынужденным стоном; Я бледный облик речных купав; Я быстроекрылость птицы* (К. Бальмонт). «Маски» лирического «я» поэта охватывают широчайший круг явлений действительности, однако, исследовав все конструкции семантизации ЛМ «я» в его творчестве, практически невозможно создать совокупный облик лирического героя. Достаточно часто субстантивы-экспликаторы противоречат друг другу, что призвано отразить безграничность, всеохватность творческой личности: *Я властелин; Да, я бродяга, топчущий поля; Я тоскующий пленный; Я счастлив. Я поэт.* (К. Бальмонт) Данная концепция вполне соответствует духу импрессионизма-символизма, определяю-

щему эстетику К. Бальмонта: «Поэт – стихия. Ему любо принимать разнообразнейшие лики, и в каждом лике он самотождественен. Он льнет любовно ко всему, и всё входит в его душу, как солнце, влага и воздух входят в растение... Поэт открыт миру...», – писал он [5, с. 12].

В отличие от К. Бальмонта, белорусский поэт реже использует конструкции типа «местоимение-субъект – субстантив-предикат». «Маски» его лирического персонажа, эксплицируемого при помощи конструкций функциональной семантизации, не отличаются большим разнообразием и часто не подразумевают метафоричности: *Што я бедны мужычок; Я прыгожая дзяўчына; Сірата я сягоння; А я – з далёкіх ніў пясняр* (Я. Купала) Однако это говорит не об узости лирического «я» поэта, а об его цельности. Важной для поэта является также идея национальной самоидентификации: *Я мужык-беларус; Беларус я.* Даже если референт эксплицируется как предмет или явление действительности, он в большинстве случаев сохраняет белорусскую или славянскую «прописку»: *Я – тая плачка сумная – бяроза; «Гарэлка»; Я жыхар зусім тутэйшы* («Кажух і вата») и т.д. К. Бальмонт в своем творчестве настойчиво подчеркивает многонациональность своего обобщенного лирического «я»: *Я – вольный араб; Я – эллин влюбленный; А я – мексиканец жестокий* (К. Бальмонт; ср. *Таксама – я не турак і не грэк // А проста я тутэйшы чалавек!* (Я. Купала)). Лирический герой Бальмонта как славянин, русский эксплицируется достаточно редко: *Я русский; Но Брама – индиец, а я – славянин* (К. Бальмонт).

До некоторой степени общими для двух поэтов являются «маски»-экспликаторы, при которых лирический субъект отождествляется с предметами, явлениями природы и т.д. Так, лирические герои Я.Купалы и К. Бальмонта могут эксплицироваться как ветер, песня, солнце, частица чего-либо: *Я – шлях, якому век няма спакою // Ні ў чорны дзень, ні ў месячную ноч; Я – вецер той, што слёзна ў сонным полі // І ў буйным лесе вые сіратой* (Я. Купала); *Я вольный ветер, я вечно вею // Ласкаю волны, ласкаю ивы...; Я – прохладный ручей* (К. Бальмонт). Впрочем, нужно оговориться, что при экспликации лирического героя как части какого-либо предмета или явления у Я. Купалы всё же заметно стремление связать «частичность» лирического героя непосредственно с родной землей: *Каб я рэчкай быў міжгорнай // На зямлі маёй; Што роднай нівы я мільённая часціна.* К. Бальмонт же более абстрактен, его «поэтический вектор», по канонам творчества символи-

стов, устремлен в вечность, в иные миры: *Горящий атом, я лечу; В безмерном Все я только быстрый атом; В безмерном Все я малая былинка* (К. Бальмонт).

Необходимо также заметить, что одной из особенностей «масок»-экспликаторов лирического «я» Я. Купалы является не только его национальная ориентированность, но и определенное социальное положение. Достаточно часто субъект-предикат при ЛМ указывает на социальный статус лирического героя или же мотивирован социальным статусом: *Не раўня // Табе я, мужычка; Нядолі праўдзівай, знаць, родны я сын! (мужык); Я – пралетар* и т.д. Если же рассматривать функциональную семантизацию и характеристику ЛМ 1-го лица в творчестве Бальмонта, можно отметить, что куда более важным для этого поэта является обозначить отношения лирического героя с людьми и окружающей действительностью, его личностные характеристики. Социальный статус и профессия у Бальмонта при функциональной семантизации также появляются достаточно часто, однако предпочтение отдается «романтическим профессиям». Социальный статус «масок»-экспликаторов лирического «я» в творчестве К. Бальмонта выше, чем аналогичный в творчестве Я. Купалы: *я – властелин; Разве я работник? Нет! Я, вешун; И нежен я, и я поэт* (К. Бальмонт).

Таким образом, на основе анализа масок-экспликаторов можно сформировать обобщенный портрет лирического героя Я. Купалы: человек белорусской национальности, как правило, низкого социального статуса, привязанный к родной земле, часто обладающий творческими способностями (разумеется, в обобщенный образ лирического героя не будут включаться «маски»-экспликаторы ролевых персонажей, выявленные при помощи анализа функциональной семантизации/характеристики). Проследить же, даже приблизительно, безмерность перевоплощений лирического «я» К. Бальмонта при помощи конструкций функциональной семантизации ЛМ, представляется сложным.

Необходимо отметить также целевое использование Я. Купалой конструкций функциональной семантизации с предикатом-субстантивом «человек»: *Што і я – чалавек; Душой я вольны чалавек* – в данном случае субстантив-экспликатор призван подтвердить самоценность лирического героя как личности. В творчестве Бальмонта предикат «человек» при субъект-местоимении не употребляется ни разу, имеет место скорее противоположное: *И я в человеческом нечеловек*. Референт личных местоимений

Бальмонта, т.е. лирический герой, в отличие от лирического героя Купалы стремится показать свою несхожесть с миром людей, что также выражается при помощи конструкций семантизации ЛМ: *Я между смертными – падучая звезда; И я бегу, бегу людей, Среди людей – самум*.

Индивидуальные особенности функциональной семантизации в творчестве того или иного автора широко проявляются также на уровне местоимения «ты». Что особенно важно, при помощи конструкций функциональной семантизации и характеристики в поэтическом тексте происходит субъективная конкретизация адресата произведения, т.е. адресат называется с позиции лирического героя или рассказчика произведения. Необходимо отметить, что и в этом случае можно проследить серьезные различия в процессах семантизации ЛМ в творчестве двух поэтов. В основном эти отличия – того же плана, что и уже рассмотренные выше особенности функциональной семантизации ЛМ 1-го лица ед. ч. Так, для семантизации местоимения «ты» в творчестве Я. Купалы характерна экспликация лиц, имеющих определенный социальный статус и определенную национальность (белорус или славянин), а также экспликация явлений белорусской действительности определенного отрезка времени, в то время как в творчестве К. Бальмонта наблюдается бесконечное разнообразие перевоплощений лирического собеседника. Особый интерес представляет процесс функциональной семантизации ЛМ «ты» при помощи конструкций постпозитивных обращений. Данные конструкции в разной мере характерны для двух поэтов. К. Бальмонт использует их наравне с конструкциями семантизации, в которых местоимение является субъектом, а субстантив – предикатом: *Ты солнечный богач; Ты – ветер, шепчущий украдкой; Приветствую тебя, старинный крепкий стих; Ты слышишь, предок мой?!* (К. Бальмонт). А Я. Купала при функциональной семантизации ЛМ 2-го лица ед.ч. использует практически только конструкции обращений: *А калі ты, гаротнік, туляч безземельны...; Адзін ты, адзін, небарача...; Ты, музыка, настрой нам скрыпулю сваю... и т.д.* (Я. Купала) Конструкции «субъект-предикат» используются белорусским поэтом лишь при функциональной характеристике, когда антецедент вынесен в заголовок или назван ранее по тексту: *Ты – пан, ты – багаты («Араты»); Ты слуга і цар («Гусяр»); Ты – пасланец мой («Таварыш»)* (Я. Купала). Такой подход к семантизации и характеристике местоимения «ты» может быть объяснен стремлением Купалы к конкре-

тике и максимальной ясности поэтического текста. При помощи обращений, как правило, происходит максимально объективная в рамках данного текста экспликация адресата, при этом субстантив-обращение приближается к субстантиву, мыслимому в качестве референта местоимения: *К тебе ж, брат мой, вечер; А ты, беларусе нямрушчы; Ці знаеш ты, дзяцюк нядбалы // І ты, дзяўчынка дарагая* (Я. Купала). Использование конструкций «субъект-предикат» в данном случае привносит невольную субъективность в процесс называния адресата. Адресат не столько называется, сколько определяется лирическим героем: *Ты дух из тысячи могил; А ты песок на мертвых берегах; Мир – бездонность, ты – бездонность, в этом сходстве вы едины* (К. Бальмонт). При этом часто бывает затруднительно найти субститут, т.е. слово, которым можно заменить субстантив-предикат при местоимении так, чтобы смысл фразы остался прежним. Используя подобные конструкции, Я. Купала считает необходимым в обязательном порядке указывать, о каком именно адресате идет речь, упоминая его в заглавии или ранее по тексту, производя своего рода «предварительную подготовку» к определению референта, заменяя таким образом функциональную семантизацию функциональной характеристикой

Необходимо также отметить тенденцию появления в творчестве Я. Купалы конструкций функциональной семантизации, эксплицирующих конкретные социальные институты, учреждения, а также названия совокупности людей, объединенных чаще всего по историко-культурному признаку: *Гэй ты, моладзь, наша змена // Камсамольцы, камсамолкі; Слава тебе, Армія, Армія Чырвоная; У Польшчы ты, польскі народзе; Што ты спіш, Госыздат; К тебе, праўленне* (Я. Купала). При этом обращение, выраженное субстантивом, является семантически максимально близким к истинному референту местоимения. Подобные особенности функциональной семантизации и характеристики не характерны для Бальмонта, что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Говоря об особенностях функциональной семантизации и характеристики ЛМ 1-го и 2-го лица множественного числа, следует заметить, что они практически идентичны уже рассмотренным нами особенностям ЛМ единственного числа каждого из авторов. Можно лишь подчеркнуть, что в абсолютном большинстве случаев референтом местоимения «мы» у Купалы будут являться «белорусы», «белорусские писатели» («коллективное мы»), т.е. для лирическо-

го «мы» Купалы характерна предельная конкретность, часто обусловленная национальными и социальными факторами. Референтом лирического «мы» Бальмонта чаще является человечество, люди как род: *Мы, человеки дней последних, как бледны в жизни мы своей!; Дети Солнца, мы приходим // Чтобы алый цвет расцвел; Мы - отзвуки тысячных отзвуков от звука нездешних громов* (К. Бальмонт).

На основании приведенных выше рассуждений можно сделать следующие выводы: оба поэта используют художественный потенциал личных местоимений, но вводят в свои поэтические тексты конструкции функциональной семантизации/характеристики ЛМ для различных целей. К. Бальмонт использует данные конструкции для многократного подчеркивания разноликости своего лирического «я», при этом «в "монологических" стихотворениях подчас оказывается невозможным отделить «двойников» лирического героя от «ролевых» историко-мифологических персонажей» [6, с. 80]. Я. Купала использует функциональную семантизацию для создания образа лирического героя, максимально цельного и приближенного к потенциальному читателю. Конструкции функциональной семантизации ЛМ при этом призваны предельно четко и лаконично обрисовывать «маску»-экспликатор. Особенности использования художественного потенциала ЛМ, в частности, конструкций функциональной семантизации/характеристики, теснейшим образом связаны с идиостилем каждого из авторов и позволяют получить представление об общей направленности их творчества, а также о его целях.

Список литературы

1. Ионова И.А. Эстетическая продуктивность морфологических средств языка в поэзии / Отв. ред. С.Д. Ледяева. Кишинев: Штиинца, 1989. 139 с.
2. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исслед. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 846 с.
3. Сильман Т.И. Синтаксико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 81–92.
4. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / Отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1988. 151 с.
5. Николай Банников. Жизнь и поэзия Бальмонта // Бальмонт К. Д. Солнечная пряжа: Стихи, очерки / Сост., предисл. и примеч. Н. В. Банникова. М.: Детская литература, 1989.
6. Молчанова Н.А. Мифопоэтическая картина мира в книге К. Д. Бальмонта «Ясень. Видение древа» // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. № 1.

**SOME PECULIARITIES OF PERSONAL PRONOUNS' SEMANTIZATION
AND CHARACTERIZATION IN K. BALMONT'S AND YA. KUPALA'S POETRY**

E.V. Kisel

We consider some peculiarities of personal pronouns' semantization in K. Balmont's and Ya. Kupala's poetry. Particular attention is paid to syntactic constructions where the personal pronoun acts as a subject and the substantive acts as a predicate.

Keywords: semantization, characterization, personal pronouns, lyrical hero, idiostyle.